

Иван Тургенев

Рассказ отца Алексея

Иван Сергеевич Тургенев

Рассказ отца Алексея

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004285

Аннотация

К 17 февраля 1877 г. Тургенев завершил перевод «Легенды о св. Юлиане Милостивом» Флобера и начал переводить другую его легенду – «Иродиада». Параллельно с переводами этих колоритных «готических» легенд Тургенев написал, по его собственному определению в письме к Стасюлевичу от 18 марта 1877 г., «небольшой, тоже легендообразный рассказ», содержание которого было почерпнуто им из его старых отечественных воспоминаний. В том же письме к Стасюлевичу, обещая выслать рассказ для «Вестника Европы» вместе с «Иродиадой», Тургенев указал его жизненный источник, определил его тему и художественные контуры. «Боюсь я, однако, – писал Тургенев, – как бы цензура не нашла затруднений... эта штука озаглавлена „Рассказ священника“, и в ней совершенно набожным языком передается (действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся

наущению дьявола (галлюцинации) – и погиб. Колорит, кажется, сохранен верно – но там есть святотатство...»

Содержание

Примечания	25
Источники текста	25
Условные сокращения	55

Иван Сергеевич Тургенев

Рассказ отца Алексея

... Лет двадцать тому назад мне пришлось объезжать – в качестве частного ревизора – все, довольно многочисленные, имения моей тетки. Приходские священники, с которыми я считал своей обязанностью познакомиться, оказывались личностями довольно однообразными и как бы на одну мерку сшитыми; наконец, чуть ли не в последнем из обозренных мною имений, я наткнулся на священника, не похожего на своих собратьев. Это был человек весьма старый, почти дряхлый; и если бы не усиленные просьбы прихожан, которые его любили и уважали, он бы давно отпросился на покой. Меня поразили в отце Алексее (так звали священника) две особенности. Во-первых, он не только ничего не выпросил для себя, но прямо заявил, что ни в чем не нуждается, а во-вторых, я ни на каком человеческом лице не видывал более грустного, вполне безучастного, – как говорится, – «убитого» выражения. Черты этого лица были обыкновенные, деревенского типа: морщинистый лоб, маленькие серые глазки, крупный нос, бородка клином, кожа смуглая и загорелая... Но выражение!.. выражение!.. В тусклом взгляде едва – и то скорбно – тепли-

лась жизнь; и голос был какой-то тоже неживой, тоже тусклый. Я занемог и пролежал несколько дней; отец Алексей заходил ко мне по вечерам – не беседовать, а играть в дурачки. Игра в карты, казалось, развлекала его еще больше, чем меня. Однажды, оставшись несколько раз сряду в дураках (чему отец Алексей по-радовался немало), я завел речь о его прошлой жизни, о тех горестях, которые оставили на нем такой явный след. Отец Алексей сперва долго упирался, но кончил тем, что рассказал мне свою историю. Я ему, должно быть, чем-нибудь да понравился; а то бы он не был со мною так откровенен.

Я постараюсь передать его рассказ его же словами. Отец Алексей говорил очень просто и толково, без всяких семинарских или провинциальных замашек и оборотов речи. Я не в первый раз заметил, что сильно поломанные и смирившиеся русские люди всех сословий и званий выражаются именно таким языком.

– ...У меня была жена добрая и степенная, – так начал он, – я ее любил душевно и прижил с нею восемь человек детей; но почти все умерли в молодых летах. Один мой сын вышел в архиереи – и скончался не так давно у себя в епархии; о другом сыне – Яковом его звали – я вот теперь расскажу вам. Отдал я его в семинарию, в город Т...; и скоро стал получать самые уте-

шительные о нем известия: первым был учеником по всем предметам! Он и дома, в отрочестве, отличался прилежанием и скромностью; бывало, день пройдет – и не услышишь его... всё с книжкой сидит да читает. Никогда он нам с попадьей не причинил неприятности самомалейшей; смиренник был. Только иногда задумывался не по летам и здоровьем был слабенок. Раз с ним чудное нечто произошло. Десять лет ему тогда минуло. Отлучился он из дому – под самый Петров день – на зорьке, да почти целое утро пропадал. Наконец воротился. Мы с женой спрашиваем его: «Где был?» – «В лес, говорит, гулять ходил – да встретил там некоего зеленого старичка, который со мною много разговаривал и такие мне вкусные орешки дал!» – «Какой такой зеленый старичок?» – спрашиваем мы. «Не знаю, говорит, никогда его доселе не видывал. Маленький старичок, с горбиною, ножками всё семенит и посмеивается – и весь, как лист, зеленый». – «Как, – говорим мы, – и лицо зеленое?» – «И лицо, и волосы, и самые даже глаза». Никогда наш сын не лгал; но тут мы с женой усомнились. «Ты, чай, заснул в лесу, на припеке, да и видел старичка того во сне». – «Не спал я, говорит, николи; да что, говорит, вы не верите? – Вот у меня в кармане и орешек один остался». Вынул Яков из кармана тот орешек, показывает нам... Ядрышко небольшое вроде каштанчика, слов-

но шероховатое; на наши обыкновенные орехи не похоже. Я его спрятал, хотел было доктору показать... да запропастилось оно... не нашел потом.

Ну-с, отдали мы его в семинарию – и, как я вам уже докладывал, веселил он нас своими успехами! Так мы с супругой и полагали, что выйдет из него человек! На побывку домой придет – любо на него глядеть: такой благообразный, озорства за ним никакого; всем-то он нравится, все нас поздравляют. Только всё телом худенек – и в лице настоящей краски нет. Вот уже девятнадцатый год ему наступил – скоро ученью конец! И получаем мы тут вдруг от него письмо. Пишет он нам:

«Батюшка и матушка, не прогневайтесь на меня, разрешите мне идти по-светскому; не лежит сердце мое к духовному званию, ужасаюсь я ответственности, боюсь греха – сомнения во мне возродились! Без вашего родительского разрешения и благословения ни на что не отважусь – но скажу вам одно: боюсь я самого себя, ибо много размышлять начал».

Доложу я вам, милостивый государь: опечалился я гораздо от этого письма – словно рогатиной мне против сердца толкнуло – потому, вижу: не будет мне на моем месте преемника! Старший сын – монах; а этот вовсе из своего звания выступить желает. Горько мне еще потому: в нашем приходе близко двухсот годов всё из нашей семьи священники живали! Однако ду-

маю: нечего против рожна переть; знать, уж такое ему предопределение вышло. Что уж за пастырь, коли сомнение в себе допустил! Посоветовался я с женою – и написал ему в таком смысле:

«Сын мой, Яков, одумайся хорошенько – десять раз примерь, один раз отрежь – трудности на светской службе пребывают великие, холод да голод, да к нашему сословию пренебрежение! И знай ты наперед: никто руку помощи тебе не подаст; не пеняй потом, смотри! Желание мое, ты сам знаешь, всегда было такое, чтобы ты меня заменил; но ежели ты точно в своем призвании усомнился и пошатнулся в вере – то и удерживать тебя мне не приходится. Буди воля господня! Мы с матерью твоею в благословении тебе не отказываем».

Отвечал мне Яков благодарственным письмом. «Обрадовал ты меня, мол, батюшка; есть мое намерение посвятить себя ученому званию – и протекция у меня есть; поступлю в университет, буду доктором; потому – к науке большую склонность чувствую».

Прочел я Яшино письмо и пуще опечалился; а поделиться горем скоро стало не с кем: старуха моя о ту пору простудилась сильно и скончалась – от этой ли самой простуды, или господь ее, любя, прибрал – неизвестно. Заплачу, заплачу я, бывало, вдовец одинокий – а что поделаешь? Так тому, знать, и быть. И

рад бы в землю уйти... да тверда она... не расступается. А сам сына поджидаю; потому – он известил меня: «Прежде, мол, чем в Москву поеду, домой наведаюсь». И точно: приехал он в родительский дом – но только пожил в нем недолго. Словно что его торопило: так бы, кажись, на крылах полетел в Москву, в университет свой любезный! Стал я расспрашивать его о сомнениях – какая, дескать, причина? – но и разговоров больших от него не услышал: одна мысль затесалась в голову – и полно! Ближним, говорит, хочу помогать. Ну-с, поехал он от меня – почитай, что ни гроша с собой не взял, только малость из платья. Уж очень он на себя надеялся! И не попусту. Экзамен выдержал отлично, в студенты поступил, уроки по частным домам приобрел... Тверд он был в древних-то языках! И как вы полагаете? Мне же деньги высылать вздумал. Повеселел я маленько – конечно, не из-за денег – я их ему назад отослал и побранил его даже; а повеселел, потому что вижу: путь в малом будет. Только недолго длилось мое веселье!

Приехал он на первые вакации... И что за чудо! Не узнаю я моего Якова! Скучный такой стал, угрюмый – слова от него не добьешься. И в лице переменялся: почитай, на десять лет постарел. Он и прежде застенчив был, что и говорить! Чуть что – сейчас заробееет и покраснеет весь, как девица... Но поднимет он гла-

за – так ты и видишь, что светлехонько у него на душе! А теперь не то. Не робеет он – а дичится, словно волк, и глядит всё исподлобья. Ни тебе улыбки, ни тебе приветя – как есть камень! Примусь я его расспрашивать – либо молчит, либо огрызается. Стал я думать: уж не запил ли он – сохрани бог! либо к картам пристрастья не получил ли? или вот еще насчет женской слабости не приключилось ли что? В юные лета присухи действуют сильно – ну, да в таком большом городе, как Москва, не без худых примеров и okazji! Однако нет: ничего подобного не видать. Питье его – квас да вода; на женский пол не взирает – да и вообще с людьми не знается. И что мне было горше всего: нету в нем прежнего доверья ко мне – равнодушие какое-то проявилось: точно ему всё свое опостылело. Заведу я беседу о науках, об университете – и тут настоящего ответа добиться не могу. В церковь он, однако, ходил, но тоже не без странности: везде-то он суров да хмур – а тут, в церкви-то, всё словно ухмыляется. Пожил он у меня таким манером недель с шесть – да опять в Москву! Из Москвы написал мне раза два – и показалось мне из его писем, будто он опять приходит в чувство. Но представьте вы себе мое удивление, милостивый государь! Вдруг в самый развал зимы, перед святками – является он ко мне! Каким манером? Как? Что? Знаю я, что об эту пору вакаций нет. «Ты

из Москвы?» – спрашиваю я. – «Из Москвы». – «А как же... Университет-то?» – «Университет я бросил». – «Бросил?» – «Точно так». – «Навсегда?» – «Навсегда». – «Да ты, Яков, болен, что ли?» – «Нет, говорит, батюшка, я не болен; а только вы, батюшка, меня не тревожьте и не спрашивайте; а то я отсюда уйду – только вы меня и видали». Говорит мне Яков: не болен – а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, не человеческое словно! Щеки этта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожа, голос как из бочки... а глаза... Господи владыко! Что это за глаза? Грозные, дикие, всё по сторонам мечутся – и поймать их нельзя; брови сдвинуты, губы тоже как-то набок скрючены... Что случилось с моим Иосифом прекрасным, с тихоней моим? Ума не приложу. «Уж не рехнулся ли он?» – думаю я так-то. Скитается, как привидение, по ночам не спит, а то вдруг возьмет да уставится в угол и словно весь окоченеет... Жутко таково! Хоть он и грозил мне, что уйдет из дому, если я его в покое не оставлю, но ведь я отец! Последняя моя надежда разрушается – а я молчи? Вот однажды, улуча время, стал я слезно молить Якова, память покойницы его матери заклинять его стал: «Скажи, мол, мне, как отцу по плоти и по духу, Яша, что с тобою? Не убивай ты меня – объяснись, облегчи свое сердце! Уж не загубил ли ты какую христианскую ду-

шу? Так покаяйся!» – «Ну, батюшка, – говорит он мне вдруг (а дело-то пришлось к ночи), – разжалобил ты меня; скажу я тебе всю правду! Души я никакой не загубил – а моя собственная душа пропадает». – «Каким это образом?» – «А вот как... – И тут Яков впервые на меня глаза поднял... – Вот уже четвертый месяц», – начал он... Но вдруг у него речь оборвалась – и тяжело дышать он стал. «Что такое четвертый месяц? Сказывай, не томи!» – «Четвертый месяц, как я его вижу». – «Его? Кого его?» – «Да того... что к ночи называть неудобно». Я так и похолодел весь и затрясся. «Как?! – говорю, – ты его видишь?» – «Да». – «И теперь видишь?» – «Да». – «Где?» А сам я и обернуться не смею – и говорим мы оба шёпотом. «А вон где... – И глазами мне указывает... – вон, в углу». Я таки осмелился... глянул в угол: ничего там нету! «Да там ничего нет, Яков, помилуй!» – «Ты не видишь – а я вижу». Я опять глянул... опять ничего. Вспомнился мне вдруг старичок в лесу, что каштанчик ему подарил. «Какой он из себя? – говорю... – зеленый?» – «Нет, не зеленый, а черный». – «С рогами?» – «Нет, он как человек – только весь черный». Яков сам говорит, а у самого зубы оскалились – и побледнел он, как мертвец, и жметя он ко мне со страху; а глаза словно выскочить хотят – и глядит он всё в угол. «Да это тень тебе мерещится, – говорю я, – это чернота от тени,

а ты ее за человека принимаешь». – «Как бы не так! Я и глаза его вижу: вон он ворочает белками, вон руку поднимает, зовет». – «Яков, Яков, ты бы попробовал, помолился: наваждение это бы рассеялось. Да воскреснет бог и расточатся врази его!» – «Пробовал, говорит, да ничего не действует». – «Постой, постой, Яков, не малодушествуй; я ладаном покурю, молитву почитаю, святой водой кругом тебя окроплю». Яков только рукой махнул. «Ни в ладан я твой не верю, ни в воду святую; не помогают они ни на грош. Мне с *ним* теперь уж не расстаться. Как пришел он ко мне нынешним летом в один проклятый день – так с тех пор уж он мой гость неизменный, и выжить его нельзя. Ты это знай, отец, и больше моему поведению не дивись – и меня не мучь». – «В какой же это день пришел он к тебе? – спрашиваю я его, а сам всё его крещу. – Уж не тогда ли, когда ты о сомнении писал?» Яков отвел мою руку. «Оставь ты меня, говорит, батюшка, не вводи ты меня в досаду, чтобы хуже чего не было. Мне ведь на себя и руку наложить недолго». Можете себе представить, милостивый государь, каково мне было это слушать!.. Помнится, я всю ночь проплакал. «Чем, думаю, заслужил я такой гнев господень?»

Тут отец Алексей достал из кармана клетчатый носовой платок и стал сморкаться – да, кстати, утер украдкой глаза.

– Худое пошло тогда наше житье! – продолжал он. – Уж я только об одном и думаю: как бы он не сбежал или, сохрани господи, в самом деле над собою какого зла не учинил! Караулю я его на каждом шагу – а в разговор и вступить-то боюсь. И проживала в ту пору вблизи нас соседка, полковница, вдова, – Марфой Савишной ее звали; большое я к ней уважение питал – потому женщина рассудительная и тихая, даром, что молодая и собой пригожая; хаживал я к ней часто – и она моим званием не гнушалась. С горя да с тоски, не зная, что уж и придумать, я возьми да всё ей и расскажи. Сперва она очень ужаснулась и даже всполошилась вся; а потом раздумье на нее нашло. Долго она изволила сидеть этак молча; а потом пожелала сына моего видеть и побеседовать с ним. И почувствовал я тут, что беспрременно мне следует исполнить ее волю; ибо не женское любопытство в этом случае действует, а нечто иное. Вернувшись домой, стал я убеждать Якова: «Поди, мол, со мною к госпоже полковнице». Так он и руками и ногами! «Не пойду, говорит, ни за что! О чем я с ней буду беседовать!» Даже кричать на меня стал. Однако я, наконец, уломал его – и, запрягши саночки, повез его к Марфе Савишне, да, поговору, оставил его с нею наедине. Самому мне удивительно, как это он скоро согласился? Ну, ничего, – посмотрим. Часа через три или четыре возвращается

мой Яков. «Ну, – спрашиваю я, – как тебе соседка наша понравилась?» Ничего он мне не отвечает. Я опять его пытаю. «Добродетельная, говорю, дама... Обласкала, чай, тебя?» – «Да, говорит, она не как прочие». Вижу я, он как будто помягче стал. И решился я тут его спросить... «А наваждение, говорю, как?» Глянул Яков на меня, как кнутом стеганул, – и опять ничего не промолвил. Не стал я его больше тревожить, убрался из комнаты вон; а час спустя подошел я к двери, посмотрел сквозь замочную скважину... И что же вы думаете? – спит мой Яков! Лег на постельку и спит. Перекрестился я тут несколько раз кряду. Пошли, мол, господь, всякой благодати Марфе Савишне! Видно, сумела, голубушка, ожесточенное его сердце тронуть!

На следующий день, смотрю, берет Яков шапку... Думаю – спросить его: куда, мол, идешь? – да нет, лучше не спрашивать... наверное к ней!.. И точно – к ней, к Марфе Савишне отправился Яков и еще дольше прежнего у ней просидел; а на следующий день – опять! А там через день – опять! Начал я воскресать духом; потому вижу: происходит в сыне перемена, – и лицо у него другое стало – и в глаза ему глядеть стало возможно: не отворачивается. Унылость всё в нем та же, да отчаянности прежней, ужаса прежнего нет. Но не успел я ободриться маленько, как опять всё разом оборвалось! Опять одичал Яков, опять присту-

питья к нему нельзя. Сидит, запершись, в каморке – и полно ходить к полковнице! «Неужто, думаю, он ее чем-нибудь обидел – и она ему от дому отказала? Да нет, думаю... он хоть и несчастный, но на это не отважится; да и она не такая!» Не вытерпел я, наконец, – спрашиваю я у него: «А что, Яков, – соседка наша... Ты, кажется, ее совсем позабыл?» А он как гаркнет на меня: «Соседка? Или ты хочешь, чтобы *он* смеялся надо мною?» – «Как?» – говорю. Так он тут даже кулаки стиснул... освирепел вовсе! «Да! – говорит, – прежде он только так торчал, а теперь смеяться начал, зубы скалит! – Прочь! уйди!» Кому он эти слова обращал – я уж и не знаю; едва ноги меня вынесли – до того я перепугался. Вы только представьте: лицо, как медь красная, пена у рта, голос хриплый, словно кто его давит!.. И поехал я – сирота-сиротою – в тот же день к Марфе Савишне... В большой ее застал печали. Даже в теле она изменилась: похудел лик. Но разговаривать со мной о сыне она не захотела. Только одно сказала: что никакая тут людская помощь действительно быть не может; молитесь, мол, батюшка! А там вынесла мне сто рублей. «Для бедных и больных вашего прихода», говорит. И опять повторила: «Молитесь!» Господи! как будто я и без того не молился – денно и ночью!

Отец Алексей тут снова достал платок и снова утер

свои слезы – но уж не украдкой на этот раз – и, отдохнув немного, продолжал свою невеселую повесть.

– Покатились мы тут с Яковом, словно снежный ком под гору, и видать нам обоим, что под горою пропасть – а как удержаться – и что предпринять? И скрыть это не было никакой возможности: по всему приходу пошло смущение великое, что вот-де у священника сын оказывается бесноватым – и что следует-де начальство обо всем этом известить. И известили бы непременно, да прихожане мои – спасибо им! – меня жалели. Тем временем зима миновала – и наступила весна. И такую весну послал бог – красную да светлую, какой даже старые люди не запоминали: солнышко целый день, безветрие, теплынь! И пришла мне тут благая мысль: уговорить Якова сходить со мною на поклонение к Митрофанию, в Воронеж! «Колы, думаю, и это последнее средство не поможет, – ну, тогда одна надежда: могила!»

Вот сижу я однажды, перед вечерком, на крылечке – а зорька разгорается на небе, жаворонки поют, яблони в цвету, муравка зеленеет... сижу и думаю, как бы сообщить мое намерение Якову? Вдруг, смотрю, выходит он на крыльцо; постоял, поглядел, вздохнул и прикорнул на ступеньке со мною рядышком. Я даже испугался на радости – но только молчок. А он сидит, смотрит на зарю – и тоже ни слова! И показалось

мне, словно умиление на него нашло: морщины на лбу разгладились, глаза даже посветлели... еще бы, кажется, немножко – и слеза бы прошибла! Усмотревши таковую в нем перемену, я – виноват! – осмелился. «Яков, – говорю я ему, – выслушай ты меня без гнева...» Да и рассказал ему о моем намерении: как нам вдвоем к Митрофанию пойти – пешечком; а от нас до Воронежа верст полтораستا будет; и как оно приятно будет – вдвоем, весенним холодочком, до зорьки поднявшись, – идти да идти по зеленой травке, по большой дороге; и как, если мы хорошенько припадем да помолимся у раки святого угодника, быть может, – кто знает? господь бог над нами и смилуется – и получит он исцеление, чему уже многие бывали примеры! И представьте вы, милостивый государь, мое счастье! «Хорошо, – говорит Яков, – а сам не оборачивается, всё в небо смотрит, – я согласен. Пойдем». Я так и обомлел... «Друг, говорю, голубчик, благодетель!..» А он у меня спрашивает: «Когда же мы отправимся?» – «Да хоть завтра», говорю.

Так на другой день мы и отправились. Надели котомочки, взяли посохи в руки – и пошли. Целых семь дней мы шли, и всё время нам погода благоприятствовала – даже удивительно! Ни зноя, ни дождя; муха не кусает, пыль не зудит. И с каждым днем Яков мой всё в лучший вид приходит. Надо вам сказать, что на воль-

ном воздухе Яков и прежде – *того-то* не видал, но чувствовал его за собою, за самой спиною; а не то тень его сбоку как будто скользила, что очень моего сына мутило. А в этот раз ничего такого не происходило; и на постоянных дворах, где нам ночевать приходилось, тоже ничего не являлось. Мало мы с ним разговаривали... но уж как нам хорошо было – особенно мне! Вижу я: воскресает мой бедняк. Не могу я вам описать, милостивый государь, что я тогда чувствовал. Ну, добрались мы наконец до Воронежа. Пообчистились, пообмылись – и в собор, к угоднику! Целых три дня почти что не выходили из храма. Сколько молебнов отслужили, свечей сколько поставили! И всё ладно, всё прекрасно; дни – благочестивые, ночи – тихие; спит мой Яша, как младенец. Сам со мной заговаривать стал. Бывало, спросит: «Батюшка, ты ничего не видишь?» – а сам улыбается. «Не вижу, – говорю я, – ничего». – «Ну и я, говорит, не вижу». Чего еще требовать? Благодарность моя к угоднику – без границ.

Прошли три дня; и говорю я Якову: «Ну, теперь, сынок, всё дело поправилось; на нашей улице праздник. Остается одно: исповедайся ты, причастись; а там с богом восвояси – и, отдохнувши как следует да по хозяйству поработавши, для укрепления сил, можно будет похлопотать, место поискать или что. Марфа

Савишна, говорю, наверное в этом нам поможет». – «Нет, – говорит Яков, – зачем мы ее будем беспокоить; а вот я ей колечко с Митрофаниевой ручки принесу». Я тут совсем раскуражился: «Смотри, говорю, бери серебряное, а не золотое – не обручальное!» По краснел мой Яков и только повторил, что не следует ее беспокоить, – а впрочем, тотчас на всё согласился. Пошли мы на следующий день в собор; исповедался мой Яков, и так перед тем молился усердно! – а там и к причастию приступил. Я стою так-то в сторонке – и земли под собою не чувствую... На небесах ангелам не слаще бывает! Только смотрю я: что́ это значит! Причастился мой Яков – а не идет испить теплоты! Стоит он ко мне спиною... Я к нему. «Яков, говорю, что же ты стоишь?» Как он обернется вдруг! Верите ли, я назад отскочил, до того испугался! Бывало, страшное было у него лицо, а теперь какое-то зверское, ужасное стало! Бледен как смерть, волосы дыбом, глаза перекошились... У меня от испуга даже голос пропал; хочу говорить, не могу – обмер я совсем... А он – как бросится вон из церкви! Я за ним... а он прямо на постоянный двор, где ночевка наша была, котомку на плечи – да и вон. «Куда? – кричу я ему, – Яков, что с тобой! Поймай, погоди!» А Яков хоть бы слово мне в ответ, побежал как заяц – и догнать его нет никакой возможности! Так и скрылся. Я сейчас верть назад, телегу нанял, а

сам весь трясусь и только и могу говорить, что «господи!» да «господи!» И ничего не понимаю: что это такое над нами стряслось? Пустился я домой – потому думаю: наверное он туда побежал. И точно. На шестой версте от города – вижу: шагает он по большаку. Я его догнал, соскочил с телеги да к нему. «Яша! Яша!» Остановился он, повернулся ко мне лицом, а глаза в землю упер и губы стиснул. И что я ему ни говорю – стоит он, как истукан какой, и только и видно, что дышит. А наконец – опять пошел вперед по дороге. Что было делать! Поплелся и я за ним...

Ах, какое же это было путешествие, милостивый государь! Сколь нам было радостно идти в Воронеж – столь ужасно было возвращение! Стану я ему говорить – так он даже зубами ляскает, этак через плечо, ни дать ни взять тигр или гиена! Как я тут ума не лишился – доселе не постигаю! И вот, наконец, однажды ночью – в крестьянской курной избе – сидел он на полатах, свесивши ноги да озираясь по сторонам, – пал я тут перед ним на коленки и заплакал, и горьким взмолился моленьем: «Не убивай, дескать, старика отца окончательно, не дай ему в отчаянность впасть – скажи, что приключилось с тобою?» Воззрелся он в меня – а то он словно и не видел, кто перед ним стоит, – и вдруг заговорил – да таким голосом, что он у меня до сих пор в ушах отдается. «Слушай, говорит,

бабушка. Хочешь ты знать всю правду? Так вот она тебе. Когда, ты помнишь, я причастился – и частицу еще во рту держал, – вдруг он (в церкви-то это, белым-то днем!) встал передо мною, словно из земли выскочил, и шепчет он мне (а прежде никогда ничего не говорил)... – шепчет: выплюнь да разотри! Я так и сделал: выплюнул – и ногой растер. И стало быть, я теперь навсегда пропащий – потому что всякое преступление отпускается, но только не преступление против святого духа...»

И, сказав эти ужасные слова, сын мой повалился на полати, – а я опустился на избяной пол... Ноги у меня подкосились...

Отец Алексей умолк на мгновенье – и закрыл глаза рукою.

– Однако, – продолжал он, – что же я буду дольше томить вас, да и самого себя! Дотащились мы с сыном до дому, а тут скоро и конец его настал – и лишился я моего Якова! Перед смертью он несколько дней не пил, не ел – всё по комнате взад и вперед бегал да твердил, что греху его не может быть отпущения... но его уж он больше не видел. Погубил он, дескать, мою душу; теперь зачем же ему больше ходить? А как слег Яков, сейчас в беспамятство впал, и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...

Но не хочу я верить, чтобы господь стал судить его своим строгим судом...

И, между прочим, я этому потому не хочу верить, что уж очень он хорош лежал в гробу: совсем словно помолодел и стал на прежнего похож Якова. Лицо такое тихое, чистое, волосы колечками завились – а на губах улыбка. Марфа Савишна приходила смотреть на него – и то же самое говорила. Она же его обставила всего цветами и на сердце ему цветы положила – и камень надгробный на свой счет поставила.

А я остался одиноким... И вот отчего, милостивый государь, вы изволили усмотреть на лице моем печаль великую... Не пройдет она никогда – да и не может пройти.

Хотел я сказать отцу Алексею слово утешения... но никакого слова не нашел.

Мы скоро потом расстались.

Примечания

Источники текста

«Рассказ священника». Беловой автограф, 17 с., с правкой (верхний слой) после опубликования французского перевода рассказа в «La République des Lettres» (январь – февраль 1877 г.). Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 86; описание см.: *Mazon*, p. 83; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 261.

ВЕ, 1877, № 5, с. 99–110.

Т, Соч, 1880, т. 9, с. 337–352.

Т, ПСС, 1883, т. 9, с. 364–379.

Впервые опубликовано: *ВЕ*, 1877, № 5, с подписью: Ив. Тургенев – и пометой: Париж, 1877. Перепечатано по тексту *ВЕ*, под названием «Рассказ отца Алексея И. С Тургенева»: Русская библиотека, т. 39, Лейпциг, 1877 (отдельный выпуск).

Печатается по тексту *Т*, ПСС, 1883 со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 123, строки 27–28: «никто руку помощи тебе не подаст» вместо «никто руку помощи не подаст» (по беловому автографу и *ВЕ*).

Стр. 125, строка 26: «а я молчи?» вместо «а я мол-

чи!» (по всем другим источникам).

Стр. 127, строка 21: «Я опять его пытаться» вместо «Я опять его пытал» (по беловому автографу и *BE*).

Стр. 129, строки 31–32: «на вольном воздухе Яков и прежде – того-то не видал» вместо «на вольном воздухе Яков прежде – того-то не видал» (по беловому автографу и *BE*).

Стр. 131, строка 32: «да и самого себя» вместо «да самого себя» (по беловому автографу и *BE*).

«Рассказ отца Алексея» был написан Тургеневым в январе 1877 г. В письме к Ю. Роденбергу от 20 апреля (2 мая) 1877 г. Тургенев сообщал, что этот рассказ он «написал в самом начале <...> года». О том же говорит и авторская помета на беловой рукописи (после текста и подписи: Ив. Тургенев): «50, Rue de Douai, Париж. 2 часа $\frac{1}{4}$ после полуночи, в ночь с понедельника 22/10 янв. 77 на вторник 23/11 янв.». Однако, завершив первую редакцию, Тургенев продолжал работать над рассказом и в феврале – марте, внося в текст значительные дополнения и исправления.

В период работы Тургенева над рассказом разгорается острая полемика вокруг «Нови», вышедшей в свет в январском и февральском номерах «Вестника Европы». Вскоре после опубликования первой части романа в Париж из России начали доходить отрицательные отклики, которые удручающе действовали на

писателя. В письмах к Я. П. Полонскому от 22 января (3 февраля) и от 18 февраля (2 марта) 1877 г., в связи с «неуспехом» «Нови», о котором он «был извещен с различных сторон», Тургенев писал о своем намерении не выступать более с крупными художественными произведениями и о решении заняться переводами. К 17 февраля (1 марта) 1877 г. Тургенев завершил перевод «Легенды о св. Юлиане Милостивом» Флобера и начал переводить другую его легенду – «Иродиада» (см. письмо Тургенева к М. М. Стасюлевичу от 17 февраля (1 марта) 1877 г.). Параллельно с переводами этих колоритных «готических» легенд Тургенев написал, по его собственному определению в письме к Стасюлевичу от 18 (30) марта 1877 г., «небольшой, тоже легендообразный рассказ», содержание которого было почерпнуто им из его старых отечественных воспоминаний.

Отойдя от актуальной проблематики своего последнего романа о народниках, Тургенев создал рассказ, тематически примыкающий к опубликованному в начале 1877 г. «Сну» и другим его так называемым таинственным повестям и рассказам 1860–1870-х годов. В том же письме к Стасюлевичу, обещая выслать рассказ для «Вестника Европы» вместе с «Иродиадой», Тургенев указал его жизненный источник, определил его тему и художественные контуры. «Боюсь я,

однако, – писал Тургенев, – как бы цензура не нашла затруднений... эта штука озаглавлена „Рассказ священника“, и в ней совершенно набожным языком передается (действительно сообщенный мне) рассказ одного сельского попа о том, как сын его подвергся наущению дьявола (галлюцинации) – и погиб. Колорит, кажется, сохранен верно – но там есть святотатство...» То, что в основе рассказа лежит действительно услышанное повествование реального лица, находит подтверждение и в биографических записках И. Ф. Рынды. «Одно время в Спасском, – пишет Рында, – был священником о<тец> Борис, у которого племянник отличался странностями и совсем не был похож на окружающих людей. Многие рассказывал о нем о<тец> Борис Ивану Сергеевичу. Эти рассказы и воспроизведены Ив. С. в такой неподражаемой, художественной форме, под названием „Рассказ отца Алексея“» (Рында, с. 30).

В одном из писем Тургенева к Н. А. Щепкину, которое относится, по всей вероятности, к августу 1878 года, упоминался и небогатый священник в приходе тургеневского имения Алексей. «Поп Алексей, – писал Тургенев, – просит 15 осиноков». Отец Алексей, сочувственно относившийся к больной Лукерье и принесший ей календарь «для рассеянности», фигурировал и в «Живых мощах» (1874), действие в которых

происходит в Алексеевке – одном из «хуторков», принадлежавших в 1840-х годах матери Тургенева (см. наст. изд., т. 3, с. 326–327, 513). В черновом автографе «Нови» (1876) встречается следующая запись: «Nota bene: слова попа Алексея „пред человечеством“, т. е. в присутствии людей»¹, Всё это свидетельствует о том, что Тургенев обобщил в рассказе свои личные воспоминания.

Возможно, что при разработке одного из эпизодов рассказа сыграли некоторую роль и литературные ассоциации. В заметке «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского «Влас» (о стихотворении Некрасова), опубликованной в № 4 «Гражданина» за 1873 г., приводился эпизод с «оскорблением святыни», которое должно было произойти, но не совершилось под влиянием галлюцинации – видения Христа.

В деревне несколько парней поспорило: «Кто кого дерзостнее сделает?» Один из них, местный «Мефистофель», взял со своего товарища клятву исполнить то, что он укажет, и затем потребовал от него принять причастие, но не проглотить.

«– Отойдешь – вынь рукой и сохрани. А там я тебе укажу.

Так я и сделал. Прямо из церкви повел меня в ого-

¹ Mazon. A. L'Elaboration d'un roman de Turguénev «Terres vierges». – Revue des études slaves, fasc. 1–2. Paris, 1925. V. 5, p. 104.

род. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: положи! Я положил на жердь.

– Теперь, говорит, принеси ружье.

– Я принес.

– Заряди.

– Зарядил.

– Подыми и выстрели.

Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем Распятый. Тут я и упал с ружьем в бесчувствии» (*Достоевский*, т. 21, с. 34).

Устраняясь, ввиду недостаточной осведомленности, от медицинского толкования факта галлюцинации, Достоевский дает ему психологическое объяснение: «И вот, в самый последний момент – вся ложь, вся низость поступка, всё малодушие, принимаемое за силу, весь срам падения – всё это вырвалось вдруг в одно мгновение из его сердца и стало перед ним в грозном обличении. Неимоверное видение предстало ему... всё кончилось» (там же, с. 40).

Прямых свидетельств о знакомстве Тургенева с заметкой Достоевского «Влас» нет, но весьма вероятно, что она ему была известна. Находясь за границей, Тургенев внимательно следил за русскими журналами, не пропускал и номеров «Гражданина» с «Дневником писателя» Достоевского, возбуждившим широ-

кое общественное внимание². В рассказе Тургенева сын сельского священника Яков, решивший порвать с духовной карьерой и стать доктором, чтобы «ближним <...> помогать», но сломившийся в самом начале этого пути, пошел на «святотатство», тоже в результате долго преследовавшей его галлюцинации, по «его» (дьявола) велению (см. наст. том, с. 131). Изображение Достоевским и Тургеневым столь необычной и одновременно сходной сюжетной ситуации было подчинено у обоих писателей различным идейно-художественным задачам: если для Достоевского случай несостоявшегося поругания причастия послужил иллюстрацией к его мыслям о борьбе между верой и неверием в сознании русского народа, о собственной ему потребности «хватить через край», дойти до крайнего отрицания, а затем не менее настоятельной потребности искупить свою вину страданием, то Тургенев, у которого интерес к подобным явлениям в 1870-е годы возрос в связи с распространением философии позитивизма и естественнонаучного эмпиризма³, сосредоточил свое внимание на фантастическом преломлении в восприятии суеверного про-

² См., например, письма Тургенева к А. В. Топорову от 22 марта (3 апреля) и 22 июня (4 июля) 1876 г. с благодарностью за присланные номера «Дневника писателя» и просьбой выслать очередной новый номер.

³ См.: Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962, с. 207–221.

стодушного человека истории гибели его сына, юноши из двухсотлетнего рода приходских священников, не выдержавшего сомнений и ставшего жертвой галлюцинаций, кульминационным завершением которых стало аналогичное, содеянное в состоянии одержимости, «преступление» и которые, будучи следствием его болезненного кризиса, предстают в то же время как проявление «таинственных», еще не познанных стихийных сил природы, их воздействия на судьбу человека, его сознание.

Рассказ первоначально, как указано на первом листе рукописи, назывался «Рассказ священника» и предназначался для мартовской книжки «Вестника Европы», в которой должен был появиться уже с новым заглавием – «Рассказ отца Алексея»; но ни в мартовский, ни в апрельский номер «Вестника Европы» он не попал. По просьбе знакомого Тургеневу редактора небольшого парижского журнала, которому он «давно обещал дать что-нибудь» (см. указанное выше письмо к Ю. Роденбергу), французский перевод первой редакции рассказа, законченной в январе, был опубликован в последнем январском и двух февральских номерах «La République des Lettres» под названием «Le fils du pope»⁴. Отправив этот перевод

⁴ La République des Lettres, vol. III, série 2, 28 janvier, 4 février, 11 février 1877.

американскому писателю Г. Джеймсу, Тургенев писал ему 16 (28) февраля 1877 г.: «Вчера послал вам „Сына попа“. Это то, что называется, „a ghastly story“ <страшный рассказ (англ.)> и вообще говоря – безделица. Мне ее рассказали». Однако текст рассказа Тургенев не считал окончательно законченным, о чем сообщал в письме к Стасюлевичу от 25 марта (6 апреля) 1877 г. и просил дать ему «сроку до 5/17 апреля...». Тургенев выслал рассказ Стасюлевичу несколько ранее, 29 марта (10 апреля) 1877 г., сопроводив его письмом, в котором писал: «„Рассказ отца Алексея“ может Вам показаться мистификацией в ту силу – что цензура его не пропустит; но ежели, однако, это опасение не оправдается – то я Вам скажу, почему я Вам высылаю эту штуку за три дня до „Иродиады“; я бы желал, чтобы эти две вещи не были помещены рядом <...> „Отец Алексей“ очень бы проиграл от *непосредственного* соседства. Вы его поместите в начале книжки, а „Иродиаду“ в середине и поставьте под именем г. Флобер (переведено И. Тургеневым). Должен прибавить, что французский перевод „Алексея“ появился с месяц тому назад в небольшом журнальчике, именуемом „La République des Lettres“, но этот журнальчик даже здесь не читают – а в России он, чай, совершенно неизвестен; впрочем, я прибавил кое-какие штришки в оригинале».

В соответствии с указанием Тургенева «Рассказ отца Алексея» и «Иродиада» были помещены отдельно в майском номере «Вестника Европы». Но прежде чем вышла в свет майская книжка «Вестника Европы», в «Новом времени» от 6 (18) и 7 (19) апреля 1877 г. (№ 395 и 396) рассказ появился в обратном переводе с французского под заглавием «Сын попа». Возмущенный Тургенев сообщал об этом «неожиданном реприманде» Стасюлевичу в письме от 9 (21) апреля 1877 г.: «В третий раз в течение моей литературной карьеры со мной случается такая штука. Но тогда подвизался Краевский; а ныне я получил подобный сюрприз от г. Суворина. Видно, на деликатность г<оспо>д редакторов рассчитывать нечего!» И далее, поручая Стасюлевичу напечатать в какой-либо газете по этому поводу заметку, Тургенев писал: «Можете прибавить, что в оригинальной статье, присланной для „Вестника Европы“, я прибавил немало штрихов, в чем Вы можете удостовериться сличением текстов. Да и тон священнического рассказа совсем пропал».

Анализ рукописи в сопоставлении с опубликованным, в «La République des Lettres» переводом и текстом «Вестника Европы» позволяет не только убедиться в справедливости этих замечаний Тургенева, но и восстановить картину творческой работы его над рассказом. Текст, с которого делался перевод для

«La République des Lettres», является беловая рукопись (без многих имеющихся в ней поправок). Лишь некоторые исправления были сделаны Тургеневым на первом этапе работы до опубликования французского перевода в «La République des Lettres». Первоначально, например, сразу же за повествованием о неудачной попытке Марфы Савишны исцелить Якова следовало описание наступившей весны, но Тургенев, желая выделить своего героя из общей массы русского духовенства, отметить демократизм его облика, поставил в тексте рукописи знак, указывающий, что фразу о наступлении весны нужно перенести на следующий лист, и написал абзац о добром отношении к отцу Алексею прихожан, не известивших начальство о странном заболевании его сына (см. с. 128). Стремясь определить свою авторскую позицию относительно излагаемой в рассказе «таинственной» истории, Тургенев отредактировал ее обрамление: оттенил простодушный характер веры отца Алексея в «сверхъестественное», подчеркнув незатейливость его интересов. Иначе выглядела и концовка рассказа: сообщив о смерти Якова и выразив надежду, что «господь» не станет «судить его своим строгим судом...», отец Алексей говорил о своем одиночестве. Тургенев ввел в его речь описание Якова в гробу (см. с. 132). Из менее значительных поправок, внесенных до пере-

вода, следует отметить несколько вариантов, свидетельствующих о поисках эмоционально выразительных средств для передачи душевного состояния Якова, Марфы Савишны и самого отца Алексея. Основной же слой изменений и дополнений над строками и на полях появился в результате последующей работы Тургенева над текстом рассказа в феврале-марте 1877 г. Они и составляют большую часть «штрихов», прибавленных писателем после перевода, о которых он писал Стасюлевичу.

Работая над образом отца Алексея, Тургенев добивался наиболее эмоционально действенного изображения его горя; вставлял в его рассказ слова и обороты, говорившие о потрясенности его сознания, страхе перед неведомым; вписывал и шлифовал фразы, в которых выражалась внутренняя поэтичность отца Алексея, тонкое чувство родной русской природы. Большое внимание Тургенев уделил речи отца Алексея, которая придавала рассказу особый колорит. Стремясь дать в рассказе, как отмечал Л. В. Пумпянский, «уездную, полуфольклорную, „лесковскую“ перспективу» (*Т, Сочинения*, т. 8, с. XV), Тургенев старался выдержать повествование отца Алексея в форме плавного неторопливого сказа.

Рассматривая своего героя как человека, близкого к народной среде, Тургенев добивался простоты,

выразительности, меткости его языка, разговорности, естественности интонаций.

Очень важная черта прибавлена в рукописи к образу Якова – вписана фраза о желании Якова помогать ближним, как о причине отказа его от духовной карьеры и поступления в университет (см. с. 124). Это характеризует Якова как одного из представителей разночинной интеллигенции 1840–1850-х годов, вышедших из среды сельского духовенства, которые, пройдя через религиозный бунт, обратились к естественным наукам и испытали влияние новых демократических веяний эпохи. Но Тургенев тут же как бы и выводит его из этого ряда, создавая образ разночинца сломленного, больного, лишённого базаровских черт. В рукописи он нагнетал детали, раскрывающие состояние безумия Якова, психологически конкретизировал картины его галлюцинаций.

Существенным дополнением к рассказу явилось развитие ранее только намеченного образа Марфы Савишны. Тургенев заменил в описании ее внешнего облика обычное литературное определение («красивая») взятым из народной поэзии эпитетом («пригожая»), выдвинул на первый план вместо женского обаяния ее высокие душевные качества, остановился на глубоком впечатлении, которое произвел на нее рассказ отца Алексея о Якове, ввел психологическую

мотивировку ее отношения к Якову и показал, как в сознании отца Алексея ее добрая воля начинает противостоят злой, «таинственной» силе, вселившейся в его сына, а сам Яков испытывает ее влияние.

На полях рукописи вписан диалог о колечке, которое Яков собирался принести Марфе Савишне с Митрофаньевой ручки, намекающий на возможность иных, более поэтических отношений между ними (см. с. 130). В заключительной части рассказа отца Алексея о Якове, лежащем в гробу, была вставлена фраза о цветах, которые Марфа Савишна положила ему на сердце (см. с. 132).

Однако сохранившаяся рукопись с включенными в нее поправками и прибавлениями не полностью соответствует окончательному тексту рассказа. Это позволяет сделать предположение о существовании наборной рукописи, которая представляла собой отредактированный и перебеленный для «Вестника Европы» текст рассказа. Переписывая рассказ, Тургенев еще раз подчеркнул наивную непосредственность отца Алексея, придав речи его более образный характер, пополнив ее народными разговорными оборотами и выражениями, особенно в тех частях ее, где он говорит о своей горе или касается дорожных впечатлений, природы и деревенского быта, детализирует портрет Якова в различные моменты его болезни и

после смерти (подробнее см.: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. XI, с. 438–442 и 534–536).

Таким образом, опубликованный в «*La République des Lettres*» перевод «*Le fils du pope*», авторизованный или выполненный самим Тургеневым, отражал определенный момент в истории создания рассказа, но не содержал полного, окончательного его текста. Кроме того, в нем, что отмечалось впоследствии рецензентами (см. ниже), были пояснены для французского читателя или, наоборот, выпущены некоторые фразы, касающиеся русских церковных обрядов и обычаев: к словам текста – на с. 121 – о том, что отца Алексея прихожане «любили и уважали», было добавлено: «*chose rare en Russie*» («явление редкое в России»); на с. 126 исключена молитва; на с. 130 к словам отца Алексея «не идет испить теплоты» присоединено объяснение смысла этого обряда: «*Jacques a communié et il ne va pas tremper ses lèvres au ciboire de vin chaud comme fait tout bon chrétien qui vient de recevoir le corps du Christ*» («Яков причастился и не идет к чаше с теплым вином, чтобы отпить из нее, как поступает каждый добрый христианин, который только что вкусил от тела Христова»).

Напечатанный в «Новом времени» перевод с этого перевода не только не содержал завершеного текста произведения, но в нем исчезло, как указывал

Тургенев, своеобразие речи отца Алексея, несущей в себе его авторскую характеристику и составляющей поэтическое зерно рассказа. Это привело к искажению жизненной перспективы изображенных событий, соотношения между реальностью и фантастическим миром героя, и к разрушению стиля рассказа. Обильно встречающиеся в тексте пословицы, поговорки, идиоматические выражения в результате двойного перевода совершенно утратили свою выразительность и образность⁵.

Тургенев выступил с протестом, направив его в газету «Наш век», а копию послал Стасюлевичу в письме от 13 (25) апреля 1877 г., где писал: «... на следующей странице Вы найдете мой протест против дрянного С<уворина> и его перевода; я послал его в „Наш век“, а Вы из него возьмете, что будет нужно для небольшого вступительного подстрочного замечания, которое, мне кажется, необходимо...» Повторив аргументы, изложенные в письме к нему же от 9 (21) апреля 1877 г., Тургенев протестовал против «бесцеремон-

⁵ Можно указать, например, на такие характерные случаи языковых несуразиц. Вместо: «Однако думаю: нечего против рожна переть; знать, уж такое ему предопределение вышло» – в переводе оказалось: «Однако ж я сказал себе: „К чему бросаться грудью на кол? Это судьба, видимо, толкает его!“»; вместо: «Стану я ему говорить – так он даже зубами ляскает, этак через плечо...» – «Заговорю ли с ним – он защелкает зубами, положив подбородок на плечо...»

ности со стороны г. Суворина», опубликовавшего в «Новом времени» перевод с французского перевода, «да еще с таким подстрочным замечанием, – прибавлял Тургенев, – что читатели могут, пожалуй, принять этот перевод за принадлежащий мне русский текст». Это первое тургеневское «Письмо в редакцию» было напечатано в «Нашем веке» 19 апреля 1877 г. (№ 48) и перепечатано в «С.-Петербургских ведомостях» 21 апреля 1877 г. (№ 109).

А. С. Суворин ответил Тургеневу «Открытым письмом» в «Новом времени» от 24 апреля (6 мая) 1877 г. (№ 413), целью которого, по его словам, было выяснить «положение» Тургенева, «как французского и русского писателя». Иронически упомянув о штрихах, которыми Тургенев «украсил» свой рассказ, и сославшись вновь на подстрочное примечание, из которого, по его словам, «прямо следует, что рассказ переведен с французского», Суворин доказывал свое право на публикацию этого обратного перевода. Сославшись на немецкий перевод «Сна» в «Gegenwart», предваривший на неделю напечатанный в «Новом времени» русский текст рассказа, и, выставив себя обиженным (см. наст. том, с. 462–464), Суворин писал, имея в виду «Рассказ отца Алексея»: «Конечно, тон произведения в переводе сохранить мудрено, а иногда этот тон, букет языка являются существеннейшими досто-

инствами Ваших произведений, но если Вы сами считаете возможным знакомить с своими рассказами без этого тона и букета, которые к тому же весьма немногими ценятся, то беда невелика. Главное – достигнуть цели, т. е. отучить одного из симпатичнейших наших писателей от <...> греха („погони за известностью в чужих краях“), в котором не виновен ни один из замечательных европейских писателей и ни один из русских писателей, разделяющих с Вами честь быть гордостью русской литературы».

Тургенев обратился в редакцию «Нашего века» еще с двумя письмами (№ 67, 8 мая, и № 72, 13 мая). В этих письмах, оставляя без внимания «угрозы» и «наставления» Суворина, он разъяснял фактическую сторону его отношений с «Новым временем» в связи с опубликованием «Сна» в «Gegenwart» и категорически опровергал утверждение о способности его «сочинительствовать на чужом наречии», то есть на каком-либо другом языке, кроме «своего родного», русского.

Столкновение между Тургеневым и Сувориным из-за переводов «Сна» и «Рассказа отца Алексея» и возникшая по этому поводу полемика в русских газетах и журналах были связаны с более широкой кампанией вокруг «Нови». Критические отзывы о «Рассказе отца Алексея» немногочисленны и обусловлены хо-

дом этой полемики. Реакционная печать стремилась дискредитировать Тургенева, обвинив его в отрыве от России, и уделила инциденту с Сувориным непропорционально большое место. Критик «Гражданина» Е. Былинкин, ознакомившись с переводом рассказа в «Новом времени», в статье «Цикл понятий (Заметки из текущей жизни)» сравнивал его с переведенной Тургеневым «Легендой о св. Юлиане Милостивом», от которой, по его словам, веет «холодом темного готического свода», и писал: «„Сын попа“ – тоже нечто вроде легенды, уже из нашей русской и православной жизни, но тоже с печатью какой-то безотрадной мрачности. Странное чувство посетило меня, когда я прочел, одну вслед за другой, эти две легенды!.. Что это? В какой же „цикл“ заключились на чужбине мысль и фантазия нашего увенчанного славой художника?..» (Гражданин, 1877, № 15, 21 апреля).

Месяц спустя, когда вышел майский номер «Вестника Европы» и стала известна история с переводами, Е. Былинкин во второй своей статье «Уроки и наставления (Заметки из текущей жизни)», изложив содержание направленных против Тургенева выпадов Суворина и Буренина, также выступившего в «Новом времени» от 8 (20) апреля 1877 г. (№ 397) под псевдонимом Тора с критикой «галлицизмов» в языке переведенной Тургеневым флоберовской легенды, вос-

клицал: «Какое положение! Г-н Незнакомец *отучает*, г. Тор *научает*... кого? Кого они поставили, на старости лет, в положение легкомысленного юноши, твердо приняв на себя роль наставников и назидателей? Осуждать ли за это г. г. Незнакомца и Тора? <...> Во всей этой истории мне видится перст, указавший г. г. Незнакомцу и Тору быть орудиями высшей кары, должествующей внушить сынам отечества, что нельзя разрывать свою душу на две половины...» (Гражданин, 1877, № 19, 15 мая).

Автор «Литературного обозрения» консервативной газеты «Русский мир» W, комментируя полемику между фельетонистами «Нового времени» и «С.-Петербургских ведомостей», назвал этот спор «курьезным», «потому что, какое бы ни было его решение, никто, очевидно, не имеет возможности принудить г. Тургенева подчиниться постановленному приговору, так же как <...> помешать г. Суворину продолжать свою систему „отучения“ нашего маститого беллетриста от его баден-баденских слабостей». Признав, однако, позицию Суворина более сильной, автор обозрения парировал заявление Тургенева о неучтенных в «Новом времени» «штрихах» и добавлениях к рассказу замечанием о том, что «во французской газете рассказ <...> появился с некоторыми штрихами, осторожно опущенными им в русской редакции», и привел в

качестве примера фразу, введенную Тургеневым во французский текст о добром отношении к отцу Алексею прихожан как об явлении редком в России. «Таким образом, – писал W, – Европе, по мнению г. Тургенева, следует знать, что в России народ редко любит и уважает своих священников, в России же говорить об этом не следует. А фельетонист „С.-Петербургских ведомостей“ уверял, что на иностранных языках г. Тургенев подвизается единственно во славу своего русского отечества...» Относительно же самого «Рассказа отца Алексея» критик замечал: «Рассказ этот принадлежит именно к разряду тех художественных безделок, вся цена которых заключается в их безукоризненной форме. Ни идея, ни сюжет рассказа не заслуживают особенного внимания <...> – в народе обращается много таких случаев, мы сами часто слышали о них еще в детстве, – и всё достоинство этого небольшого произведения <...> заключается в том, что оно прекрасно рассказано, – просто, свежо и колоритно. Но, разумеется, воссоздать эти достоинства по французскому переводу <...> – задача смелая, но неисполнимая» (*Рус Мир*, 1877, № 122, 8 мая).

Прямая связь между отношением к «Нови» и историей с переводами «Рассказа отца Алексея» подчеркивалась в «Голосе». В «Литературной летописи» этой газеты дана ироническая оценка «так называе-

мым „освободительным“ идеям» нового романа Тургенева, в котором, по словам рецензента, писатель рисует русскую общественную жизнь из «прекрасного далека», «по парижскому барометру», на основании «произвольных заключений и самоуверенных прорицаний, не замечая целого мирового события, „нарастающего“ рядом с мизерным предметом твоей глубокомысленной заботы...» Считая таким «предметом» инцидент с Сувориным, а в прошлом, по всей вероятности, аналогичный случай с Краевским, корреспондент «Голоса» (возможно, сам редактор его А. А. Краевский) писал: «Автор „Рассказа отца Алексея“, или „Сына попа“, как перевела его с французского „Le fils du pope“ предрезостная русская газета, имел, конечно, право огорчиться. Он, как нарочно, „уже после напечатания французского текста, прибавил *немалое число отдельных штрихов*“ к своему повествованию. И такие жемчужины, как эти „штрихи“, пропали в этом переводе с перевода! Какой Ардаган, какие взрывы турецких броненосцев в состоянии, в самом деле, примирить отечество с такою скорбью, нанесенною творцу „Нови“?..» Оценка рассказа подменена в «Голосе» его пародийным пересказом, который заканчивается словами: «Боле ничего / Не выжмешь из рассказа ты сего» (Голос, 1877, № 104, 26 мая).

Решительно на сторону Тургенева в конфликте его

с Сувориным стали либерально-народническая газета «Неделя» и начавшая выходить с марта 1877 г. прогрессивная газета «Наш век». В «Литературно-житейских заметках», напечатанных «Неделей», высмеивается намерение Суворина «отучить г. Тургенева от его слабости», в то время как собственные суворинские «слабости поважнее той, от которой г. Суворин старается „отучить“ г. Тургенева». «Какая в самом деле беда, – спрашивает автор заметок, – что какой-нибудь небольшой рассказец появится в „République des Lettres» месяцем раньше, чем в „Вестнике Европы“? И какое имеет право кто бы то ни было (кроме, разумеется, бахвалов) требовать у писателя отчета, почему он в этом случае поступает так, а не иначе, – тем более у такого писателя, как Тургенев, который живет не в России, а за границей?» (Неделя, 1877, № 20, 15 мая).

Газета «Наш век» (изд. Ф. Сущинский, ред. А. Шавров), на страницах которой Тургенев выразил свой протест Суворину, в майской обзорной статье «Литература и искусство» напомнила об участии, постигшей «Рассказ отца Алексея», и привела несколько примеров изуродования этой «изящной, характерной вещицы» в «Новом времени». Этих примеров, взятых наудачу из сопоставления «Сына попа» и оригинального текста в «Вестнике Европы», «достаточ-

но, – говорится в статье, – чтобы видеть, что характерная речь сельского священника превратилась в переводе в нечто искусственное, деланное, лишенное всякой типичности. К чему же было совершать эту убийственную операцию над рассказом любимого русского писателя и коверкать прекрасный язык?!» Действия Суворина «Наш век» объясняет не «высоко-нравственными», а «меркантильными» соображениями (Наш век, 1877, № 69, 10 мая).

Занятые этой общественно-литературной полемикой, которая в основном отражала отношение к Тургеневу как к автору «Нови», критики мало писали о самом «Рассказе отца Алексея», его содержании и художественном своеобразии.

Как незначительный охарактеризован «Рассказ отца Алексея» в «Современных известиях» (изд. Н. П. Гиляров-Платонов). В обзоре «Русские журналы (Майская книжка „Вестника Европы“») о нем говорится: «... рассказ Тургенева не прибавляет ничего к славе писателя. Странная история молодого беснующегося сына священника, умирающего от угрызений совести за совершенное святотатство, внушенное ему демоном, которым он одержим, не принадлежит к числу рассказов, могущих увлечь или тронуть русского читателя» (Современные известия, 1877, № 147, 31 мая).

С более развернутым отзывом о рассказе выступила газета либерального направления «Северный вестник». В заметке «Новости русской беллетристики» (подпись: W) «Собака», «Несчастливая», «Сон» и «Рассказ отца Алексея» поставлены в один ряд «повестей с преобладающим фантастическим оттенком», число которых невелико «у такого жизненного, трезвого таланта, старающегося поддерживать непосредственное общение с действительностью», и которые занимают «второстепенное место во всей области тургеневского творчества». Указав на своеобразии формы рассказа, то есть на изложение «будто бы чужого рассказа, ведущегося в первом лице», и остановив внимание на «сверхъестественных» элементах его содержания, рецензент отметил, что в рассказе не приподнимается завеса, «скрывающая истинную причину страданий бедного безумца»: «... жажда знаний увлекла его на путь науки; в письме к отцу он доказывает, что в нем слишком много возникло сомнений, чтоб он мог добросовестно посвятить себя церкви, — а между тем основа его мании такая, которая могла бы только зародиться у крайне набожно настроенного человека и притом такого, которого не коснулись ни развитие, ни сомнения». Анализ рассказа заключен выводом: «Таким образом, у нас в конце получается впечатление какого-то беглого, смутного очерка

чего-то, намекающего только на целую внутреннюю драму, которая остается для нас совершенной загадкой. То перо, которое еще недавно написало столько мастерских, живых страниц в „Нови“, воссоздавая живьем многие черты русской действительности, верно, как-нибудь обронило этот бледный очерк». И далее говорится о превосходстве бытового рассказа над фантастическим в творчестве не только Тургенева, но и Гоголя, и о том, что оба они уступают в этом жанре Уилки Коллинзу и Эдгару По (*Сев Вестн*, 1877, № 10, 10 мая).

Вопрос о месте фантастического, о дани так называемой «демонологии» в творчестве русских и западноевропейских писателей затронут, в связи с «Рассказом отца Алексея» и «Призраками» Тургенева, также в «Литературном обозрении» «С.-Петербургских ведомостей» за май (подпись: П.); где высказывается мысль, что в противоположность писателям «реальной школы», в частности Вальтеру Скотту, у Шиллера, Диккенса, Жуковского и Тургенева эта тема разрабатывается так, что создается впечатление, «как будто они верят в существование привидений, призраков и вообще появление, под видом теней или звуков, сверхъестественных сил...» (*СПб Вед*, 1877, № 159, 11 июня).

В «Нашем веке» рассказ получил безоговорочно

положительную оценку как реалистическое произведение, лишенное какого бы то ни было мистического начала: «В „Рассказе отца Алексея“, в его теперешнем виде, вовсе нет ничего мистического, усмотренного в нем иными рецензентами. Это не более как психологический или, вернее, психиатрический этюд. Темой его является одностороннее помешательство сына священника Якова, помешавшегося в том, что его постоянно преследует чёрт. Рассказ ведется от лица отца, видящего в болезни сына наваждение злого духа. Написан рассказ с обычным мастерством г. Тургенева; язык в высшей степени типичен» (Наш век, 1877, № 69, 10 мая).

«Рассказ отца Алексея» почти не привлекал внимания дореволюционных и современных исследователей. Можно отметить лишь несколько упоминаний о нем в общих работах, посвященных творчеству Тургенева.

В современной литературе о Тургеневе рассказ обычно рассматривается в ряду его поздних полуфантастических произведений – «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич (После смерти)», – анализ которых увязан с характеристикой исторической обстановки и общей эволюции мировоззрения писателя-реалиста, творчество которого в целом было чуждо мистики и который в этих повестях и расска-

зах в особой художественной манере разрабатывал психологические темы⁶. Наряду с этим выдвинуто, но недостаточно аргументировано положение о романтическом характере «таинственных» повестей и рассказов Тургенева и в частности «Рассказа отца Алексея»⁷. Это положение отчасти уточняется в последующих посвященных этим произведениям работах, где обосновывается мысль о соприкосновении Тургенева с романтизмом в некоторых аспектах изображения человеческих судеб и характеров при реалистической структуре его метода в главном, определяющем плане и признается наличие в последние годы у писателя, несмотря на рациональное решение основного философского вопроса бытия, отдельных мистических настроений (прежнее ощущение зависимости человека от неподвластных ему «недобрых» сил приобретает порой роковую окраску)⁸. Автор специальной статьи о «Рассказе отца Алексея» Е. В. Тюхова, отталкиваясь от параллели между рассказом Тургенева и «Дневником писателя» Достоевского, приведен-

⁶ См., например, вступительную статью к восьмому тому «Собрания сочинений И. С. Тургенева» (*Т, СС*, т. 8, с. 547–555).

⁷ Шаталов С. Е. «Таинственные» повести И. С. Тургенева. – Уч. зап. Арзамасск. гос. пед. ин-та, 1962, т. V, вып. 4, с. 57–61.

⁸ Курляндская Г. Б. «Таинственные повести» И. С. Тургенева (Проблемы метода и мировоззрения). – Третий межвузовский тургеневский сборник (Уч. зап. Курск. гос. пед. ин-та, т. 74). Орел, 1971, с. 5–8.

ной в комментариях к предшествующему изданию (*Т, ПСС и П, Сочинения*, т. XI, с. 533), и развивая ее далее, приходит к выводу, что «гуманистические стремления и религиозные сомнения тургеневского героя, его трагическая судьба характерны для шестидесятников и даже слишком очевидно отправляют нас к мученикам сознания больших романов Достоевского», в частности, сопоставляет Якова и Ивана Карамазова. Отмечая различие между Достоевским и Тургеневым как художниками и мыслителями, исследовательница видит их общие достижения в проникновении в сферу подсознания⁹.

Кроме французского перевода «Рассказа отца Алексея», опубликованного в «*La République des Lettres*», известен также немецкий перевод, выполненный П. Линдау, редактором журнала «*Gegenwart*». Рассказ был выслан Тургеневым Линдау в ответ на просьбу поддержать своим участием вновь задуманный им ежемесячник «*Nord und Süd*». Отправляя ему «Рассказ отца Алексея», Тургенев писал 13 (25) апреля 1877 г.: «... Ваше желание с радостью исполню. Посылаю Вам при этом маленький, но очень мрачный рассказ. (Настоящее название: „Рассказ отца Алек-

⁹ Тюхова Е. В. «Рассказ отца Алексея» Тургенева и Достоевский. – Пятый межвузовский тургеневский сборник. Тургенев и русские писатели. (Науч. труды Курск. гос. пед. ин-та, т. 50 (143)). Курск, 1975, с. 65–81.

сея“. Возможно, следует предпочесть „Сын попа“). После опубликования французского перевода я еще кое-что добавил и вписал. То, что Вы сами хотите переводить меня, мне весьма приятно. Я еще помню Ваш поистине классический перевод „Сна“» (перевод с немецкого). Перевод рассказа П. Линдау напечатал не в «Nord und Süd», а в «Gegenwart» («Was Vater Alexis erzählt». Von Iwan Turgenjew. Übersetzt von P. L. – Die Gegenwart, 1877, N 19, 12 Mai, S. 299–304).

Условные сокращения

Архивохранилища

Bibl Nat – Национальная библиотека (Париж).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Алексеев – Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. – В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 1, с. 37–80.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Анненков и его друзья – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Антокольский – Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб.; М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1905.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чт – «Библиотека для чтения» (журнал).

Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Боткин и Т – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Гончаров – Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.:

Гослитиздат, 1952–1955.

Гончаров и Тургенев – И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров, Необыкновенная история – Гончаров И. А. Необыкновенная история. – В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1, с. 7–189.

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Григорьев — Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Страхова, 1876. Т. I.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Грузинский – Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918.

Гутьяр – Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907
Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Для легкого чтения – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Полн. собр.

соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянско-го. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Достоевский, Письма – Достоевский Ф. М. Письма, тт. I–IV./ Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ – Academia – Гослитиздат, 1928–1959.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья – Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., т. I–VI, Academia; т. VIII–IX, Госкультпросветиздат. М.; Л., 1932–1951.

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, Ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, Т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Иванов — Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин — Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., <1917>. Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Клеман – Клеман М. К. И. С. Тургенев – переводчик Флобера. – В кн.: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под. ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88–126.

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Куприевич – Куприевич А. А. «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Диалоги» Леопарди. – В кн.: *Minerva*. Сборник, изданный при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев, 1913. Вып. 1.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит Музеум – Литературный Музеум (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Лит учеба – «Литературная учеба» (журнал).

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Львов-Прач – Собрание народных песен с их головами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Мазон – Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.; Л.: Academia, 1931.

Моск Вед – «Московские ведомости» (газета).

Моск Вестн – «Московский вестник» (журнал).

Москв – «Москвитянин» (журнал).

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Никитенко – Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. Л.: Гослитиздат, 1955–1956.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Отчет ИПБ – Отчеты императорской Публичной библиотеки.

ПД, Описание – Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, вып. IV, И. С. Тургенев. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Писемский – Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Поляк – Поляк Л. М. История повести Тургенева «Клара Милич». – В кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Под ред. Н. К. Пиксанова. «Никитинские субботники». М., 1927.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Пыпин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. — О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Революционеры-семидесятники — И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930.

Рус арх — «Русский архив» (журнал).

Рус беседа — «Русская беседа» (журнал).

Рус Бог-во — «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед — «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль — «Русская мысль» (журнал).

Рус Обзор — «Русское обозрение» (журнал).

Рус Обзор — «Русское обозрение» (журнал).

Рус Пропилеи — Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

Рус Сл — «Русское слово» (журнал).

Рус Ст — «Русская старина» (журнал).

Рында — Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Сакулин — Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М., 1918.

Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.

Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.

Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).

Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). *Соболевский* – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.

Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).

Совр – «Современник» (журнал).

СПб Вед – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).

Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.

Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.

Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.

Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.

Т и Савина – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем со-

трудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.

Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.

Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).

Т сб (Пиксанов) – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).

Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.

Т, 1856 – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.

Т, Двор гнездо, 1859 – Дворянское гнездо. Роман И. С. Тургенева. М., 1859.

Т, Дым, 1868 – «Дым», соч. Ив. Тургенева. М.: Изд. 1-е и 2-е бр. Салаевых, 1868.

Т, Отца и дети, 1862 – «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева.

Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.

Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. По-

смертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.

Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.

Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

Т, сб (Бродский) – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.

Т, Соч, 1860–1861 — Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.

Т, Соч, 1865 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.

Т, Соч, 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.

Т, Соч, 1868–1871 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1869 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.

Т, Соч, 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.

Т, Соч, 1880 — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.

Т, Соч, 1891 — Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.

Т, Сочинения — Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.

Т, СС — Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.

Т, СС («Огонек») — Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.

Т, СС, 1975 — Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).

Т, Стих, 1885 — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.

Т, Стих, 1891 — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.

Т, Стих, 1950 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).

Т, Стих, 1955 — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955 (Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).

Т, Стихотворения и поэмы, 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит, статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка

поэта. Большая серия).

Творч путь Т – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.

Театр насл — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.

Толстой – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.

Труды ГБЛ – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.

Тучкова-Огарева – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.

Успенский – Успенский Г. И. Полн. собр соч. М.: Изд. АН СССР, 1940–1954. Т. 1–14.

Фет – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.

Фигнер – Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Изд. 2-е. М.: Изд. Общества политкаторжан. 1932.

Центрархив, Документы – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр.

соч. в 15-ти т. М: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).

Шаталов – Шаталов С. Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Арзамас, 1961.

1858, Scènes, I – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, Scènes, II – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

BE – «Вестник Европы» (журнал).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguénef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Flaubert, Correspondance – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris: L. Conard, 1926–1930, séries I–IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément

(1830–1880). Paris, 1954. T. 1–4.

Granjard, Ivan Tourguénev – Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs», par Henri Granjard. Paris, 1960. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, t. XXXI).

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée – Mérimée Prosper. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1–6. Paris, «Le Divan», II série, t. 1–9. Toulouse, Privat.

T, Nouv corr inéd – Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Zabel – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.